
ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая
СНЫ И СОБАКИ
— 7 —

Часть вторая
ХВОСТЫ И ЛИСЫ
— 53 —

Часть третья
СЫНЫ И ДОЧЕРИ
— 123 —

Часть четвертая
БРАТЬЯ И СЕСТРЫ
— 173 —

ОТ АВТОРА

Искренняя благодарность и признательность тем,
кто помог этой истории появиться:

- моему супругу Владимиру, вытиравшему мои слезы и державшему за руку с нежностью и терпением, когда я впадала в творческое отчаяние;
- моей дочери Веронике, сильно хотевшей прочитать историю моих девятихвостых и рисовавшей ее героев уже заранее;
- моей подруге Алене Оробий, не дававшей мне бросить писать своим вопросом: «Что будет дальше?»;
- моей подруге Юлии Гоман, оценившей культурную составляющую и приславшей много вдохновляющих фото;
- моим коллегам, писателю Евгении Кретовой и блогеру Марии Громаковой, искренне поддерживавших проект —

без вас лисы так бы и сидели по своим норам.

Судьба человека
более всего зависит не от случая,
а от его умения делать выбор.

= Сунь Цзы. «Искусство войны» =

Бабушка Ен Ху делала вид, что курит. Все вокруг знали, что она не переносит табака и бережет свое тонкое обоняние. Но и она тоже прекрасно знала, как эффектно выглядит в глазах туристов красивая пожилая китайка с серебряными волосами, убранными плоскими волнами, переходящими в пучок на затылке: китайская леди, курящая сигарету в тонком длинном мундштуке. Эта идеальная картинка в витрине сувенирной лавки работала лучше любой рекламы, стоило только бабушке Ен Ху сесть в кресло, включить лампу и начать проверять бухгалтерские книги. Клиенты, жаждущие утонченной китайской экзотики, тут же появлялись в дверях ее магазина под звук дверных колокольчиков и, покупая безделушки, делали ей прибыль. А бабушка Ен Ху, чуть улыбаясь, записывала цифры перьевой ручкой китайской скорописью... Но сегодня ей то и дело хотелось закурить по-настоящему, хоть она и не умела. А потому просто грызла мундштук своими белыми зубами, как нервная школьница. Что-то должно было произойти: влажный северный ветер, который бабушка чувала, нес новости и тревоги, возможности и перемены.

== ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ==

СНЫ И СОБАКИ

ГЛАВА 1

...Цветущая ветка сливы — тонкая, чуть неровная, узловатая. Цветы на ней — простые розетки о пяти лепестках, округлые, как щечки младенца. Пара больших цветов, еще пара поменьше и, конечно, бутон. Да, это банальность, рисунок на форменном платье официантки из китайского ресторана. Но если ветка рассекает диск полной луны, а луна эта отражается в глазах ночного зверя, тогда совсем другое дело. Нужно только обвести ветку в круг, а потом...

Звякнул дверной колокольчик. Саша Кислицкая вздрогнула, сжала пальцы, и слива стала просто мятой салфеткой. Три ярко-красные царапины, протянувшиеся через глаз от брови и до носа, резко забили. Она одним движением сунула салфетку в карман фартука — туда, где, как назло, стал вибрировать мобильник, — быстро свои ножки в казенные гэта, положенные работнику как спецодежда, и приготовилась, кланяясь и улыбаясь (улыбка и поклон тут тоже были частью «спецодежды»), принять заказ от новых посетителей рестораника паназиятской кухни «Серебристая луна».

Но, увидев, кто входит в дверь, Саша прикрыла лицо рукавом и юркнула в кухню.

— Леся, а Леся, — простонала Кислицкая напарнице, высокой и худой в такой же форменной розовой блузке, — подмени меня, прими заказ у посетителей. Пожа-а-а-алуйста!

Леся вскинула татуированную бровь.

— С чего вдруг? Твой столик, ты и иди! Я устала. — И она демонстративно прикурила сигарету от электроконфорки.

«Ты так, наверное, однажды брови себе и спалила», — в сердцах подумала Саша, но предприняла еще одну попытку:

— Лесечка, пожалуйста-пожалуйста, ну выйди и прими заказ. Там одnogруппницы мои. Я не хочу им на глаза попадаться... — Она сделала моську. Подняла бровки вверх. — И... и мне мама звонит, срочно!

Правда была настолько мелодраматична, что рассмешила суровую Лесю. Она окинула взглядом тощенькую Кислицкую, на мгновение задержавшись на левой стороне лица, но ничего не сказала про саднящие царапины. Уже в который раз ничего не сказала, вот странно.

— У нас в стране вообще-то любой труд почетен. Нечего тут стыдиться каких-то пижонов с айфонами, — проворчала Леся.

Однако статная девушка все же встала с табуретки — с грацией медведя в родной среде обитания.

«Может, в прошлой жизни она бродила по тайге в бурой шкуре», — подумала Саша. Но тут напарница надела типа деревянные башмаки (дресс-код как-никак) и, как по волшебству, пошла неожиданно легким, семенящим шагом. «А потом ее поймали и в цирк отдали, по проволоке ходить». Кислицкая, чтобы спрятать улыбку, полезла в телефон и попыталась изящно и незаметно прикрыть зудящим аппаратом оцарапанную щеку.

Телефон, однако, замер в руках, а на экране всплыло уведомление: «Пропущенные вызовы: Мама. 3 вызова».

Надо перезвонить, пока есть время, решила Саша. Но абонент неожиданно оказался временно недоступен. Странно это, мама так не делает, а сама дозвониться может и на выключенный телефон, если ей понадобится. Суровая Сашина мама.

Зато с заказом повезло! Не придется прятать глаза и отвечать на вопросы девчонок из группы. Кислицкая перевела дух. А тут и Леся вернулась.

— Выбирают пока. Фифы размалеванные, ничего особенного. — И она улыбнулась Саше. — Все нормально. Тебя никто не видел, и про

тебя никто не спрашивал. Ой, блин! — Напарница резко схватила за живот. — Я сейчас вернусь. — И Леся умчалась в сторону служебного туалета.

Саша еще раз попыталась позвонить маме и проверила «Вотсап»¹. Но галочка не посинела даже! Мама выключила телефон? Да неужели?! На хорошо удобренную страхами почву упала первая крупная капля — сомнения...

На табло вызовов зажглась цифра семь. Тот самый столик, за которым расположились три главные сплетницы курса. Они, видимо, уже сделали выбор и вызывали официантку, а Леся еще не вернулась. Вторая капля — немного тревоги.

К светящейся цифре добавился еще и звоночек. А Леська как будто застряла там, в дамской комнате. Еще чуть-чуть — и будут неприятности у всей смены... А Леська все не идет, поганка! Тревога и паника!

— Саша, почему ты здесь? Клиенты с твоего столика ждут! — Голос хозяина Ши Тяна не был ласковым. Сухопарый старик с жидкой бородкой, как показывают в китайских фильмах про кунг-фу, смотрел сурово. — Иди-иди!

Одним взмахом руки он развеял все Сашины надежды на спокойный вечер. И бородка его сейчас напомнила ей подобную у одного деревенского животного. Но пришлось подчиниться: Ши Тян был крут с персоналом, если было за что наказывать, но и премии выплачивал щедрые и регулярно. А сегодня как раз должны были раздавать красные конвертики. Паника-паника-паника! Предел! Лишь бы не «поплыть», не провалиться в зыбкий кисель, где не помнишь, что было, а потом, как в детстве, расхлебывать последствия: «Мама, я плохо поступила? Нельзя так делать?!» А мама не обвиняет, поджимает губы, не отвечает. Прячет глаза, отворачивает лицо... Крепко держит

¹ «Вотсап» (WatsApp) — сейчас самый популярный мессенджер на Дальнем Востоке России. Ни «Телеграм», ни «Вайбер» не могут догнать его по популярности. Хотя в последнее время дальневосточники предпочитают иметь несколько мессенджеров одновременно. (Здесь и далее — прим. авт., основанные на личном опыте, а также подготовленные на основе открытых источников.)

в руках любимую чайную пару с розами. И в выходные в доме появляется новый набор посуды. Стыдобища. После очередного такого «поплыва» всю посуду дома взрослые сменили на эмалированную. Он дольше всех прослужил, этот набор с детсадовскими мишками. А вот окна так же часто менять не могли, и сколы на углах оставались года два, пока не вошли в моду тройные стеклопакеты и мама сумела наскрести денег на замену окон.

А как все хорошо начиналось! И сданная на повышенную стипендию сессия, и объявленная уже премия на работе, и фамилия в списках прошедших первый отборочный тур на заграничную стажировку. И если бы не эти собачьи царапины на лице! Но Саша поклонилась, как того требовал рабочий этикет в «Серебряной луне», и пошла, вся заледенев внутри. Насмешки и сплетни обеспечены...

Леська, устыдившись приступа своей «медвежьей болезни» днем, весь вечер даже немножко заискивала перед Кислицкой. Но даже если к этому добавить премию от Ши Тяна, все равно не хватило, чтобы успокоиться после ехидства и замечаний по поводу расцарапанного лица, торчащих скул, раскосых глаз и полного отсутствия груди в девятнадцать Сашиных лет.

Вот пора бы уже привыкнуть к своей азиатской внешности — она же с тобой с рождения, а все же больно! И в школе было больно, и сейчас. Никто не называл Сашу Кислицкую «фарфоровой куколкой» или «китайской феей». Почему-то предпочитали совсем другие эпитеты все детство. «Якудза» и «китаеза» — самые милые из них. «Интернатница-задница» — еще тоже безобидное. Хотя она совсем, совсем не помнила своей жизни до Некрасовки, до домика с белыми ставнями и забором из зеленого штакетника по улице Орловской, 13. И в садик Саша ходила оттуда, и в школу, и в институт потом уехала оттуда же поступать.

И плакала очень в садике, когда вдруг поняла, что ей не достались ни мамины синие глаза, ни папины серые. «У тебя — черные, вот, держи карандаш. Исправь свою картинку, — велела девочке вос-

питательница на занятиях по рисованию. — Художник должен рисовать правду!»

Саша ревела от обиды, и даже рисунок, отобранный на областную выставку, и коробка конфет как приз за него не утешили до конца. Она не такая, как все вокруг, не такая, как мама и папа. Неродная, как она потом как-то тихо поняла. Самого разговора об этом она тоже не помнила.

Приемные родители не знали, как девочку утешить. Говорили только: «Давай сдачи!» Но попробуй тут «дать сдачи» целой коdle матерящихся сельских мальчишек, когда ты одна... и вот-вот случится что-то. Но, к счастью, в последний момент всегда появлялся кто-то из взрослых и ничего действительно плохого не случилось. И еще Саше всегда удавалось увернуться от комков грязи в спину.

Она стала старше, и вроде полегчало — или односельчане попривыкли. А в городе, куда уехала учиться, Кислицкая думала, что уж тут-то всем будет все равно, а подковырки опять начались. Но здесь гнобили уже за интеллект. Мало кто на ее факультете охотоведения принес из школы аттестат с оценками выше тройки, а у нее оказалась аж серебряная медаль.

Сначала Саша думала, что это просто трудности адаптации, но оброненные в ее присутствии фразы типа: «Даже косоглазым ясно, а ты тупишь! Дай ему на лапу!» — были словно тот самый ком грязи, от которого не успеваешь увернуться. Словно удар в спину. А наотмашь било тут же произнесенное в лицо типа приветливое: «Привет, Аниме!» Мама учила ее не обращать внимания на колкости: «С чего ты взяла, что это они про тебя?!» Но гордого молчания не получалось. А кротость местные не оценили.

Даже мода на К-рор не помогла. Потому что нужны к азиатской внешности еще и умение нести себя как звезду, и шмотки модненькие, а не тихий нрав и нецелованность.

В общежитии Саша жить не смогла, стала работать и снимать времянку в частном секторе у подслеповой старухи Михалны. Повышенная стипендия, зарплата официантки, и папа с мамой кое-что подкидывали из продуктов — если не шиковать и готовить самой,

то прожить вполне можно. Закрывать дверь ото всех и прожить, не глядя в зеркало.

Под окном времянки сейчас как раз цвела слива. И лепестки падали на крашенный водоэмульсионкой подоконник. Туда, домой, Саша и направлялась после смены, закончившейся затемно. Влажный северный ветер задувал под куртку. «Собьет все лепестки со сливы и с окна! Ну что за день!»

Прийти бы скорей туда, закрыть дверь на крючок, заварить на газу чаю и, не включая свет, смотреть, как падают лепестки в лунном свете, пока невыносимо не захочется спать.

Фонари в частном секторе традиционно не горели. Зато луна светила вовсю, пряча в густые тени дневные огрехи людской недоустроенности. Сегодня Саша не могла успокоиться. Попробовала по дороге еще раз дозвониться маме и разозлилась даже. Ни одного деления на датчике приема сигнала! Ни одного!!! Двадцать первый век, областной центр! Граница с Китаем недалеко — там даже у нищих «Вейсинь»¹ есть, и милостыню им по QR-кодам подают, а тут двадцать минут пешком по частному сектору, и нате вам — нет сигнала! Зла не хватает и нервов!

Сколько желчных замечаний Кислицкая слышала о том, что она нашла уже свое место и зачем ей, с ее данными, в институт. Официанткой или на поле — перец пропалывать. Потому как время челноков² и «фонарей»³ давно прошло, а для азиатской модели она не вышла

¹ «Вейсинь» (微信 [wēixin] — аналог WhatsApp в Китае, только с функцией соцсетей, интернет-кошелек и переводчика, имеет много постоянно пополняющихся приложений и функций. Бесплатный.

² Челноки — торговцы товарами народного потребления методом челночной торговли: сам закупился, сам довез до места торговли, сам продал, снова поехал за следующей партией товара, и так постоянно. Челноки в 90-е годы XX века были основным каналом поставки товаров в магазины, на рынки и т. д. Таким народным бизнесом занимались все, кто мог. На себе можно было перенести беспрошлинно до 20 кг товара. В 2000-е такой вид народного бизнеса почти сошел на нет.

³ «Фонари» пришли на смену «челнокам». «Фонарей» нанимали для бесплатного перевоза через таможенную большую количества товара. «Фонарь» предоставлял свой паспорт и должен был в определенное время пройти таможенную с чужим